

СИСТЕМНОСТЬ ЛЕКСИКИ И ЭТИМОЛОГИЯ

Несколько лет тому назад, разбирая задачи этимологии, В. Н. Топоров отмечал, что ее функцией является «определение координат разных систем (фонологической, словообразовательной, лексической, семантической, поэтической и т. п.), пересечение которых порождает данное слово, и определение последующей траектории слова»¹.

В этом определении хорошо отражена сущность системного этимологического исследования, хотя и лучше было бы, вероятно, сказать бессубъектно «на пересечении которых рождается...», ибо в процессе появления новых слов, видимо, не всегда активно участвуют все языковые системы, хотя появляющееся новое слово и оказывается так или иначе размещенным в этих системах, а реконструирующий возникновение слова этимолог должен раскрыть и действительные пружины словозникновения, т. е. установить системы, участвующие в порождении слова, и непротиворечивость предполагаемого процесса по отношению к другим (в данном случае пассивным) системам, на пересечении которых порождается слово.

Поскольку этимология занимается изучением порождения и последующей траектории слов, вполне естественно рассмотреть некоторые аспекты пересечения лексической системы языка с другими системами, связанного с порождением и дальнейшей траекторией слов.

В этом смысле определенный интерес представляет собой этимология славянских числительных. Дело в том, что числительные — довольно древняя консолидированная лексико-семантическая микросистема, причем ее лексическая компактность и семантическое своеобразие столь значительны, что ведут в славянских языках к грамматической специализации, к превращению числительных в особую часть речи.

Славянские числительные ставят перед этимологами ряд проблем. Среди них — возникновение (образование или проникновение) некоторых отдельных слов, вошедших в вертикальный ряд

¹ В. Н. Топоров. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа. — ВЯ, 1960, № 3, стр. 49.

числительных, соответствующих натуральному ряду чисел. Надо сказать, что, решая вопрос и об этих отдельных словах, полезно учитывать вертикальную системность числительных. Мне приходилось уже отмечать, что «инородные» тела в вертикальном ряду числительных (такие, как восточнославянское *сорок*, слов. диал. *meru* '40', полаб. *pöl t'upě* '30', варианты в.-луж. и н.-луж. *polsta*, а также н.-луж. *pothunderta* '50') появляются на «изгибах» и «переломах» вертикального ряда числительных. С другой стороны, участие русского *сорок* в специфическом счете «сороками», его специфическая роль в фольклоре, в известной мере аналогичная «магической» роли числа 40 у алтайских народов, позволяют говорить о возможности восточных связей этого слова².

Но, разумеется, в наибольшей мере лексическая системность числительных существенна при объяснении не отдельных слов, а некоторых рядов числительных. Так, соображения о системном характере обозначений чисел легли в основу построений О. Семереньи, выяснявшего этимологию индоевропейских, и в том числе славянских, числительных.

О. Семереньи совершенно справедливо отмечал невыводимость славянских обозначений чисел первого десятка из индоевропейского ряда количественных числительных; он показал, как могли происходить и происходили влияния внутри вертикальных рядов порядковых и количественных числительных, а также между этими рядами при возникновении славянских числительных количественных³. Можно вести дискуссию по поводу этимологий отдельных славянских числительных или по поводу деталей этих этимологий, но трудно отрицать правомерность системного подхода к этимологии числительных, ярко проявившегося в труде Семереньи.

Вместе с тем представляется, что системные отношения в вертикальном ряду числительных могут дать удовлетворительное объяснение, например, форме славянского числительного **devětъ* по аналогии с **desěť*. Само **desěť*, первоначально относившееся, вероятно, к основам на **-ět-* и принадлежавшее, видимо, к мужскому роду, испытывало влияние слов **pětъ*, **šestъ*, чем

² Ср.: чуваш. *xěřěx*, хакас. *xырыx*, тат., шорск. *кырык*, уйгур. *қырық*, туркм., гагауз., ногайск., караим., кирг. *кырк* (так же, но в иной орфографии: казах., узб., каракалпак., башк., крым.-тат., азерб. *гырх*). К возможности объяснения пересечения с фонетической системой ср. вполне вероятную гипотезу О. Н. Трубачева о проникновении восточнославянского *собака* из тюрк. *köbäk* (О. Н. Трубачев. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960, стр. 32—33). Разумеется, сопоставление восточнославянского *сорок* с алтайскими фактами дается сугубо предположительно с целью лишь привлечь внимание к этой возможности.

³ O. S z e m e r é n y i. Studies in the Indo-European System of Numerals. Heidelberg, 1960, стр. 110—111.

и объясняются фиксируемые уже в старославянских памятниках факты склонения **ДЕСАТЬ** как слова женского рода на *-ĭ, что тем более естественно, если учесть влияние основ на *-ĭ на слова с основами на согласный. С другой стороны, если начальный согласный в **devęť* (*d* вместо *n*) вполне вероятно объясняется аналогией со следующим **desęť*, можно допустить и влияние **desęť* на конец слова **devęť*, тем более что древнейшие памятники не дают образцов склонения последнего, а в образованиях типа русск. *девясил*, с.-хорв. *невесиль*, а возможно, и русск. *девясосто* и *Девягорск* еще А. И. Соболевский не без оснований усматривал архаичную форму числительного '9'⁴.

Более существенные недоумения возникают в связи с поиском семантического основания для действия аналогии в том ее виде, который представлен в исследовании Семереньи. Вообще большой интерес представляет семантика индоевропейских числительных, — как древнейшая, связанная с самым их возникновением, следы которой, возможно, отразились в какой-то мере в приведенных В. В. Ивановым древнеармянских примерах производных от индоевропейской основы **dwei-* '2'⁵ (ср. и русск. *двоить* 'вспахивать' и под.), так и более поздняя, которая была присуща индоевропейским неизменяемым числительным, непосредственно предшествовавшим славянским. Степень абстрактности числового значения этих индоевропейских образований еще не вполне выяснена.

О. Семереньи, отрицая образование славянских количественных числительных **peť* и **šestь* как отвлеченных существительных от порядковых **peťъ* и **šestъ*, считает, что дело тут не в образовании отадъективных существительных типа *рябь*, *новь*, *твердь*, *бель*, *цель*, *прель*, *гниль*, *голь*, *озимь*, *зелень*, *синь*, *чернь*, *хворь*, *сырь*, *дичь*, *глушь*, *сушь* и под., а в образовании по образцу, по аналогии. Если принимать эту точку зрения, то нужно выяснить, каким образом взаимодействовали порядковые и количественные числительные, имевшие разную семантику, а также почему славянские обозначения чисел стали на первых порах все же существительными (а, скажем, не наречиями).

Едва ли бесспорно мнение о том, что собирательное значение было первичным у этих слов, как иногда допускают⁶. Разумеется,

⁴ «Slavia», т. 5, вып. 3, 1927. — Кстати, не следует ли допустить, что в числительных типа чеш. *šedesát*, по крайней мере в некоторых случаях, сохраняется архаичное числительное **še* '6', а понимание подобных форм как сокращений верно лишь для большинства, но не для всех случаев?

⁵ Вяч. Вс. И в а н о в. Использование в этимологических исследованиях сочетаний однокоренных слов в поэзии на древних индоевропейских языках. — Международный симпозиум «Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии. Тезисы. Программа». М., 1966, стр. 52.

⁶ Т. Б. Л у к і н о в а. Из спостережень над словотвором числівників в слов'янських мовах. — Сб. «Тези доповідей V міжвузівської республіканської славистичної конференції». Ужгород, 1962, стр. 34—35.

собирающее значение было у праславянских, а затем и старославянских существительных **petь*, **šestь* и т. д. Однако это значение целесообразно рассматривать как вторичное. Первичным значением существительных, образовавшихся от порядковых при помощи суффикса *-ь, было общее значение опредмечия, отвлечения признака. А. Мейе верно характеризовал рассматриваемые числительные-существительные, назвав эти существительные абстрактными⁷. Собирающее значение в словах типа **petь*, как и в некоторых из слов типа *чернь*⁸, развилось позже. А сначала, подобно тому как слово *новь* обозначало нечто новое, *твердь* — нечто твердое, *бель* — нечто белое, так и *пять* обозначало нечто пятое, а именно — пятый предмет, являющийся в данном подсчете завершающим. Надо сказать, что абстрактность названных существительных вначале была довольно относительной, в том смысле, что нечто новое, твердое или белое было вполне конкретным: по словарю И. И. Срезневского, *новь* — это 'новые плоды' или 'новолуние', *твердь* — 'небесный свод', 'укрепленное место, тюрьма' и лишь потом — 'прочность, твердость, осторожность', *бель* — 'белило', 'белое поле ткани', 'белка (?)'. Может быть, будущие числительные тоже стояли на грани таких конкретных значений.

Надо сказать, что в индоевропейских языках известны и другие обозначения количества при помощи отпорядковых образований. Речь идет о выражениях типа русск. *сам-пят*. Выражения этого типа, отмеченные еще в санскрите и встречающиеся в древнегреческом языке, получили наибольшее распространение в славянских и германских языках (немногочисленные балтийские примеры рассматриваются как кальки славянских или немецких выражений⁹). Основное значение этих выражений состоит в том, что они обозначают количество (преимущественно людей) посредством указания номера считающего (который, очевидно, считает себя последним, завершает счет на себе): 'сам — пятый' (т. е. Иван — первый, Петр — второй, Андрей — третий, Семен — четвертый, а (я) сам — пятый) как номера, завершающего счет. Словообразовательная структура этих завершающих числительных в славянских, как и в других индоевропейских языках, достаточно прозрачна. Но лексическое добавление к слову, обозначающему номер последнего считаемого предмета, снижало универсальность такого счета, ограничивало семантику завершающих числительных приложимостью их главным образом к группам

⁷ A. Meillet. *Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave*, 2. Paris, 1961, стр. 280.

⁸ Об этих словах и их первичной семантике см.: Ю. С. Азарх. Из истории русского словообразования. — «Уч. зап.» [Елабужского гос. пед. ин-та], т. XIII, серия истории и филологии. Елабуга, 1962, стр. 160.

⁹ P. Zwoliński. *Liczebniki zespolowe typu samotrzeć w języku polskim na tle słowiańskim i indoeuropejskim*. Wrocław, 1954.

людей. Решение проблемы использования слова, обозначающего порядковый номер предмета, на котором завершается счет, для обозначения количества предметов лежало на пути образования от порядковых уже названных отвлеченных существительных на -ь.

Роль порядковых числительных в генезисе обозначений числа в ряде языков уже отмечалась¹⁰. Это и понятно, поскольку, как известно, в основе логического определения понятия числа¹¹, так же как и в основе становления этого понятия в генетическом плане¹², лежит счет, соотнесение элементов двух множеств, перечисление. Но для того чтобы число явилось «полным отчетом» об операции перечисления¹³, надо, чтобы обозначение этого «полного отчета» отличалось от слова, которое употребляется для обозначения порядкового номера предмета.

Слова типа **pęťь*, по-видимому, и обозначали число как определенное свойство носить некоторый порядковый номер, например 'быть пятым'.

Некоторое время, вероятно, индоевропейские количественные числительные еще существовали в праславянском языке¹⁴, а отвлеченные количественные имена типа **pęťь* уже появились. По некоторым своим особенностям эти имена, очевидно, оказались более удобными, чем старые индоевропейские числительные. К числу таких удобств, видимо, прежде всего относится их большая грамматическая определенность — склоняемость и ярко выраженная способность выступать в качестве подлежащего (ср. замечание А. Мейе о том, что индоевропейские числительные 5—10 «напоминают первые части сложений»¹⁵; ср. также склоняемость числительных в санскрите¹⁶).

Процесс вытеснения старых неизменяемых числительных количественными именами сопровождался, возможно, семантической контаминацией, совмещением в новых числительных-существительных именных значений с количественными значениями индоевропейских количественных числительных. Слова типа **pęťь* стали обозначать количество, понимаемое как некий предмет,

¹⁰ См., например: С. Д. К а ц н е л ь с о н. Историко-грамматические исследования, I. М.—Л., 1949, стр. 137—138 и др.

¹¹ К л о г и ч е с к о м у о п р е д е л е н и ю п о н я т и я ч и с л а с м., например: Д. Г и л ь б е р т и В. А к к е р м а н. Основы теоретической логики. М., 1947, стр. 172 сл., в частности стр. 174—175; С. К. К л и н и. Введение в метаматематику. М., 1957, стр. 11 сл.

¹² Ср.: В. В. И в а н о в. Язык в сопоставлении с другими средствами передачи и хранения информации. — «Прикладная лингвистика и машинный перевод». [Киев], 1962, стр. 83—84.

¹³ А. Л е б е г. Об измерении величин. М., 1960, стр. 19.

¹⁴ А. V a i l l a n t. Grammaire comparée des langues slaves, t. II, pt. 2. Paris, 1958, стр. 632.

¹⁵ А. М е й е. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, стр. 411.

¹⁶ Ср.: P. S g a l l. Vývoj flexe v indoevropských jazycích, zejména v češtině a v angličtině. — «Rozpravu ČSAV», r. 68, s. 5, 1958, стр. 50.

как некоторое опредмеченное свойство, но теперь уже не свойство 'быть пятым, завершающим счет', но свойство 'быть в количестве пяти'. Нетрудно увидеть, что при таком значении происходило сближение числительных-существительных типа **pětь* с числительными-прилагательными типа **tri*, обозначающими свойство расчлененно понимаемого множества состоять из нескольких элементов. Разница состояла в том, что числительное-существительное обозначало опредмеченное свойство, а числительное-прилагательное — свойство как признак. С другой стороны, происходило и известное сближение семантики слов типа **pětь* и слов типа **kopa*, основанием которого было понимание количества как предмета.

Таким образом, подводится некоторая семантическая база под взаимные влияния различных числительных, отсутствие которой мешает принять тезис Семереньи в полной мере, ибо нет слов без значения. Быть может, именно синтез блестящих фонетических построений Семереньи с представлениями о семантическом развитии системы славянских числительных может привести к окончательному решению вопроса об этимологии славянских числительных от 5 до 10, которое и должно находиться на пересечении координат фонетической и лексико-семантической систем и которое потребует еще детального рассмотрения с всесторонним учетом сделанного в этой области.

Семантика вертикального ряда числительных в отношениях одного члена этого ряда к другому представляет столь совершенную и ярко выраженную систему, что создает предпосылки сравнительно легкого воздействия одних членов системы на другие.

Элемент *-r-* в собирательно-разделительных числительных был, очевидно, отвлечен в праславянском языке от вариантной основы числительного **četyr-/četrъver-* (ср. порядковое **četъver-*). Это *-r-* стало присоединяться к основам следующих числительных; если в качестве такой основы выступала основа порядкового, то получались слова типа **pętor-*, под влиянием которых в дальнейшем вместо **četrъver-* появилась основа **četъvor-*; если же от **četъver-* отвлекалось не *-r-*, а *-er-*, то его соединение с основой количественного числительного давало образования типа **pęter-*. Последние могли появиться и из **pętor-* под влиянием **četъver-*. Этому объяснению происхождения собирательно-разделительных числительных от '5' не противоречат и данные литовского языка; редкие диалектные формы типа *penkeli* вместо *penkeri* Ян Отрембский совершенно основательно объясняет как результат влияния неопределенно-количественного числительного *keli*¹⁷. Другое объяснение образования собирательно-разделительных числительных, которое недавно было вновь выдвинуто Т. Б. Лукино-

¹⁷ J. Otrębski. Gramatyka języka litewskiego. Warszawa, 1956, стр. 173.

вой¹⁸, предполагает, что «в *pęter—desęter-* выступает древний индоевропейский суффикс *-er-* (*-or-*), синонимичный *ter/tor*, выражавший противопоставление». Собираательно-разделительные числительные в этом случае по суффиксу сопоставляются со словами **kotorъ*, **eterъ*, **vętorъ*. Аргументы в пользу указанной этимологии не представляются достаточными. Так, дистрибутивность значения собирательно-разделительных числительных отнюдь не означает, что этими словами обозначалось «число предметов различных, неоднородных», но, скорее, разделение единого предмета на несколько частей. Семантика собирательно-разделительных числительных может быть охарактеризована как обозначение количества как свойства, приписанного предмету. Такое свойство понималось, видимо, как признак данного (сложного) предмета, который состоит из нескольких составных частей. Не признак нескольких предметов, составляющих некоторую совокупность, а признак совокупности, понимаемой как (более или менее единый) предмет. В дальнейшем семантика этих слов претерпела значительные изменения: форма множественного числа собирательно-разделительных числительных, прилагавшаяся к существительным *pluralia tantum*, стала обозначать уже не только, а затем и не столько состав совокупности, называемой существительным, сколько количество самих совокупностей. Очевидно, именно старая семантика собирательно-разделительных числительных легла в основу образования глаголов типа *двоить(ся)* и под., обозначавших первоначально процесс деления предмета на части; эта же старая семантика послужила и основой для образования прилагательных типа русск. *двойной*, *двожкий* и под., позднее вытеснивших разделительно-собирательные числительные-прилагательные в их старом значении. Так или иначе, трудно усмотреть в семантике собирательно-разделительных числительных сходство с тем противопоставительным значением, которое было присуще суффиксу **-tor-/ter-*. Вариантность *e/o* в рассматриваемых образованиях легко поддается объяснению и при понимании их как аналогических образований, параллельных с **četъver-*, а их древность не противоречит такому объяснению. Что касается до семантической связи этих образований со словами типа **eterъ* или **kotorъ*, то, если она и существует действительно, объяснить ее можно, вслед за А. Вайаном¹⁹, как явление вторичное. Едва ли можно считать достаточно веским свидетельством в пользу указанной этимологии собирательно-разделительных числительных как образований с суффиксом **-tor-/ter-* и уже приведенные литовские формы с *l*, отмечавшиеся Лескином в восточнолитовских говорах,

¹⁸ Т. Б. Лукинова. Словообразование некоторых славянских имен с корнями числительных. — «Всесоюзная конференция по славянской филологии». Л., 1962, стр. 102.

¹⁹ A. Vaillant. Указ. соч., стр. 667.

так как пересказанное объяснение Отрембского вполне приемлемо; наличие же *r* в основном (количественном) обозначении '4' вполне могло поддержать *r* в этом собирательно-разделительном числительном, мешая его замене на *l*. Вот почему автор настоящих строк (как и Фасмер²⁰, а также Семериньи²¹) предпочитает бругманновское объяснение форм типа **peter-* как аналогичных **četъ-ver-*, принятое и Мейе²², высказанному рядом осторожному предположению последнего, что здесь, может быть, приходится иметь дело с каким-то суффиксом на *-r-*. Лексическая группировка числительных вполне могла обусловить и обусловливать в ряде случаев появление аналогических образований; нет достаточных оснований отказываться от такого объяснения и в данном случае.

Отнесение слова к той или иной лексической подсистеме может влиять при прочтении древних текстов не только на этимологизирование слова, но и на понимание самого текста. Бывают случаи, когда другие подсистемы языка допускают двойное понимание этимологии слова и приходится на основании тех или иных данных производить выбор между двумя возможными лексическими системами, а тем самым и между двумя этимологиями слова. По традиционному чтению в пассаже «Слова о полку Игореве» «обѣсися синѣ мъгльѣ» слово *обѣсися* понималось как возникшее из *обвѣсися* и считалось, что Всеслав, субъект этого высказывания, подвесился к синему облаку, удирая в ночь накануне решающего боя из лагеря киевлян, своих сторонников, в родной Полоцк. Но есть и другая возможность, о которой забывали: предположить, что *обѣсися* имеет корень *бѣс-* 'мифическое существо, бес' и означает 'обесился, испытал приступ бешения, подвергся влиянию, воздействию бесов', а возможно, и 'испытал лунатический приступ'. Анализ текста «Слова», фольклорного и летописного образов Всеслава позволяет считать отнесение слова *обѣсися* к лексической группировке, связанной с действиями под влиянием бесов и под., по крайней мере, столь же вероятным, как и традиционное чтение²³. Таким образом, отнесение слова к той или иной лексической системе влияет на его этимологизирование и на понимание одного из мест замечательного древнерусского памятника.

Однако лексико-семантическая систематика отнюдь не всегда оказывается ключом для выяснения этимологии слов. Ибо, во-первых, лексическая система, как и любая языковая система, складывается исторически, а потому подчас в задачу этимологов как раз и входит разыскание лексической системы, которая была

²⁰ Vasmer II, стр. 478.

²¹ O. Szemerényi. Указ. соч., стр. 98.

²² A. Meillet. Études..., стр. 231.

²³ Подробнее см.: А. Е. Супрун, А. А. Брудный. *Обѣсися синѣ мъгльѣ*. — «Труды Отдела древнерусской литературы» XXIV, 1969 (в печати).

живой в момент порождения слова, особенности которой и запечатлены в слове.

В этом смысле показательно, что одна из психолингвистически вычленимых в русском языке группировок слов — семантическая микросистема временных существительных (*миг, момент, секунда, минута, час, день, сутки, месяц, квартал, год, пятилетка, век, тысячелетие, эра* и под.), или еще более тесно связанная семантическая группа слов, обозначающих в русском языке дни недели, или группа слов, обозначающих в польском языке месяцы, в этимологическом отношении весьма пестры (что видно, например, из исследований Г. Якобсона), хотя и имеются аналогии между семантическими связями временных слов в синхронии и в диахронии.

Но даже и тогда, когда, казалось бы, само возникновение лексической группы «этимологично», может оказаться, что ее ближайшее рассмотрение покажет несоответствие лексической группировки с этимологической характеристикой слов. Определенный интерес в этом отношении представляет, к примеру, «среднеазиатская лексика» в русском языке. Эта серия слов, являющаяся одной из частей так называемой «экзотической лексики», включает в себя такие слова, как *арык, аул, бархан, басмач, деханин, ишак, кишлак, кок-чай, мираб, пиала, саксаул, чайхана* и др.²⁴ Хотя все эти слова в произведениях о Средней Азии и Казахстане и в переводах с соответствующих языков в той или иной мере придают *couleur locale*, хотя все они в большей или в меньшей мере являются элементами русского языка в Средней Азии и Казахстане, не все «среднеазиатские слова» имеют одинаковое происхождение. Так, несмотря на относительную новизну этих слов — в соответствии с замечанием О. Н. Трубачева о том, что «степень забвения этимологических связей не обязательно стоит в прямой зависимости от возраста слов»²⁵, — возникают вопросы времени появления их в русском языке, требуют подчас нелегкого решения и вопросы о языке-источнике тех или иных экзотизмов, ибо среднеазиатская лексика полигенетична. Для такого решения приходится привлекать языковые и внеязыковые данные.

Так, например, историко-хозяйственными соображениями приходится руководствоваться, решая вопрос о непосредственном источнике фиксируемого в русских словарях с 1874 г. слова *арык*. Этот термин, связанный с поливным земледелием, скорее всего был заимствован из узбекского языка, поскольку, например,

²⁴ В дополнение к литературе, указанной в статье автора «Среднеазиатская лексика в русском языке» (в сб. «Этимологические исследования по русскому языку», 4. М., 1963), см. ряд статей Э. Н. Кушлиной и автореферат ее кандидатской диссертации «Среднеазиатская лексика в русском языке (на материале газет Узбекистана и Таджикистана)». Душанбе, 1964.

²⁵ О. Н. Трубачев. [Рец. на кн.] «Szótörténeti és szófajti tanulmányok». — «Этимология. 1964». М., 1965, стр. 381.

казахи и киргизы в ту пору занимались в основном скотоводством, а не земледелием.

Иногда уточнить источник слова помогает рассмотрение пересечений языковых подсистем. Так, одно из экзотических слов, относящихся к кулинарии, *беш-бармак*, обозначает распространенное у киргизов, казахов и башкир (а возможно, также у некоторых других народов) мясное кушанье, состоящее, например, у киргизов «из мелко нарезанных кусков мяса и теста, политых бульоном» («Киргизско-русский словарь» К. К. Юдахина под словом *бармак* 'палец'). В словаре Даля, раскрывающем этимологию слова как 'пятипалое блюдо', наряду с формой *бешбармак* приведено и вариантное *бишбармак*. В тюркских языках это слово легко разделяется на два элемента: первый означает '5', а второй — 'палец'. Поскольку в казахском '5' *бес*, казахский язык едва ли может считаться источником слова. Башк. и тат. *биш* '5' дают основание считать башкирский (а может быть, и татарский) источником приведенной у Даля вариантной формы. Источником же основной формы, видимо, является киргизский язык, где '5' — *беш*²⁶.

Среднеазиатские слова, образующие в русском языке относительно единую лексическую группировку, в этимологическом отношении разбиваются на несколько подгрупп: узбекскую, казахскую, киргизскую, туркменскую, таджикскую, каждая из которых в свою очередь может быть расчленена на хронологические подгруппы. И системно-этимологическое изучение среднеазиатской лексики предполагает нахождение целого ряда пересечений языковых подсистем, определяющих этимологию каждого слова и некоторых совокупностей слов.

Таким образом, учитывая данные о лексической систематике, вместе с тем приходится обращать внимание и на временную обусловленность лексических подсистем, способность их перестраиваться, способность лексем перераспределяться из одной подсистемы в другую и т. д. Вполне возможно и несовпадение лексической группировки слов с этимологической группировкой уже в самом начале, при возникновении соответствующей группы слов в данном языке.

Необходимо подчеркнуть динамизм и процессуальность пересечения языковых систем, на котором порождается новое слово; полезно учитывать и возможные сдвиги координат в ходе дальнейшего движения слова по его траектории. Изменяется система порождения новых слов, изменяется и естественная классификация, систематика функционирующих в языке слов, включаемых с самого своего появления в сложную и изменчивую систему языка.

²⁶ У Фасмера (1, стр. 163; в переводе на русский язык сокращение *kirg.* дано как «казахский» — ср.: *V a s n e r* I, стр. 83) источник слова не уточняется и тюркский материал дан без необходимой для такого уточнения дифференциации (ср. форму числительного '5': *беш, бес, биш* — в очерках второго тома серии «Языки народов СССР». М., 1966, стр. 144, 181, 306, 326, 492).